

Шагин Иван Анатольевич

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАРОДНЫХ СУДОВ И ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920-1925 ГГ

В статье рассмотрены особенности взаимоотношений советских органов власти и народных судов в Псковской губернии в 1920-1925 гг., выделены способы оказания влияния на решения и приговоры народных судей со стороны уездных и волостных исполнительных комитетов, партийных организаций. Проанализированы выработанные губернским исполнительным комитетом циркуляры, а также определены нормы Положений о судеустройстве РСФСР 1920 г. и 1922 г., призванные обеспечить реализацию принципа независимости народных судей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/1-2/48.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (27): в 2-х ч. Ч. II. С. 210-213. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 908(470.25)1920/1925

Исторические науки и археология

В статье рассмотрены особенности взаимоотношений советских органов власти и народных судов в Псковской губернии в 1920-1925 гг., выделены способы оказания влияния на решения и приговоры народных судей со стороны уездных и волостных исполнительных комитетов, партийных организаций. Проанализированы выработанные губернским исполнительным комитетом циркуляры, а также определены нормы Положений о судостроительстве РСФСР 1920 г. и 1922 г., призванные обеспечить реализацию принципа независимости народных судей.

Ключевые слова и фразы: народный суд; народный судья; губернский исполнительный комитет; уездный исполнительный комитет; волостной исполнительный комитет; комитеты РКП(б)/ВКП(б).

Иван Анатольевич Шагин

Кафедра русской истории

Псковский государственный университет

ivashagin@yandex.ru

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАРОДНЫХ СУДОВ И ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920-1925 ГГ. ©

Формирование большевиками народных судов в Псковской губернии происходило в непростое время [15]. Сложности в работу народных судей привнесло и то обстоятельство, что на их решения и приговоры оказывали влияние уездные и волостные исполнительные комитеты, а также партийные организации. В Совет народных судей Псковской губернии неоднократно приходили сообщения об увольнениях, а иногда и арестах народных судей руководством местных органов Советской власти [6, д. 135, л. 278; 9, д. 443, л. 27].

9 июня 1920 г. президиум губернского исполнительного комитета приступил к разработке специального постановления, которое обеспечило бы реализацию принципа независимости народных судов [11, д. 6, л. 75]. Циркуляр был издан уже 21 июня 1920 г. Он в категоричной форме запрещал «уездным исполкомам вмешиваться в работу народных судей и оказывать на них то или иное давление в судебных делах», в частности, привлекать их за выносимые решения к административной ответственности или отстранять от работы. Тем не менее документ содержал и ограничение для самих работников юстиции: они были обязаны, в случае необходимости, выступать на заседаниях исполнительных и партийных комитетов с информационными докладами о деятельности своих участков, а также о ходе ведения наиболее резонансных уголовных и гражданских дел [9, д. 443, л. 27].

Действительность показала сдержанное отношение местных советских органов к циркуляру. Продолжались необоснованные увольнения народных судей. Более того, уездные власти даже не считали необходимым объяснять свои действия вышестоящим организациям [7, д. 8, л. 20, 22, 23]. Для придания дополнительного политического веса своим решениям исполкомы пытались, и безуспешно, заручиться поддержкой партийных структур [4, д. 37, л. 128]. Участники партийных уездных конференций регулярно заявляли о необходимости контроля за народными судами, чтобы они «не отрывались от комитетов РКП(б) как организующих центров всей советской работы» [5, д. 36, л. 3 об.].

Делегаты III Всероссийского съезда деятелей советской юстиции, в работе которого приняли участие и псковские юристы, в конце июня 1920 г. отметили многочисленные случаи незаконных увольнений народных судей практически по всей стране. На основе его резолюции в Псковской губернии выработали Положение, дополняющее циркуляр от 21 июня 1920 г. Оно содержало описание возможной процедуры отзыва судей местными исполкомами. Увольнение каждого народного судьи теперь должно было быть «подробно мотивировано», дискредитирующая информация подлежала проверке, а определяющее значение имело финальное решение губернского исполнительного комитета [6, д. 98, л. 200]. До момента разрешения вопроса об увольнении судью можно было временно отстранить от должности [12, с. 3]. Положение о народном суде от 21 октября 1920 г. это требование ввело на всей территории РСФСР [13]. В целом за местными органами власти оставили лишь функцию «политического контроля» [9, д. 569, л. 3 об.]. Решение спорных вопросов переходило на губернский уровень, уездные чиновники формально потеряли неограниченное влияние на работников судов. Впрочем, как показывают факты, исполкомы мириться с этим не собирались и продолжали оказывать давление на судебный аппарат. Снова вопрос о независимости судов поднимался уже в начале марта 1921 г. на съезде деятелей юстиции Псковской губернии. Его делегаты заявили, что «в смысле авторитетности местные судебные органы не стоят на высоте, соответствующей достоинству советского правосудия». Они просили губернское руководство ограждать их «от влияний со стороны представителей местной власти, колеблющих достоинство судов». Прозвучало и требование строгого соблюдения установленного порядка смещения судей [7, д. 3, л. 28].

Значительно обостряло ситуацию то обстоятельство, что в хозяйственном отношении народные суды также зависели от уездных и волостных исполкомов. Работники судов в обращениях в губернский

исполком, губернский комитет РКП(б), в Совет народных судей неоднократно сообщали об острой необходимости в помещениях, пригодных для их деятельности. В частности, в Великолукском уезде некоторые судебные участки имели в распоряжении всего одну комнату, в которой производился разбор дел. Одновременно здесь же присутствовали служащие, участники процесса, подсудимые, ожидающие в очереди разбора своих дел, заходили посторонние лица [4, д. 414, л. 47]. В самих Великих Луках двухэтажное здание суда находилось в непригодном для эксплуатации состоянии. Второй этаж был «разрушен и необитаем», первый не имел «печей и вторых рам». С наступлением зимы судьи на свои средства вставили стёкла, «установили пару небольших чугунок». При этом в городе находилось в хорошем состоянии здание дореволюционного суда, занятое местными исполнительным комитетом и комитетом РКП(б). Выездные сессии губернского суда в этом уезде также не получали «мало-мальски приличного помещения и ютились в малых, тёмных и сырых, случайно отведённых помещениях» [1, д. 448, л. 5]. Народный судья седьмого района Островского уезда за три года службы шесть раз «переезжал» в непригодные здания. Даже в Псковском уезде судьи нуждались в подходящих помещениях [3, д. 119, л. 15]. Аналогичные трудности преодолевали и судьи Порховского уезда [10, д. 555, л. 34]. В связи с такой сложной ситуацией губернский комитет РКП(б) принял решение об издании циркуляра «по советской и партийной линии об оборудовании камер народных судей». Появление этого распоряжения связано с тем, что самостоятельные просьбы судей о помощи не получали положительного ответа [5, д. 360, л. 155].

Неоднократные протесты вызывали случаи привлечения работников судов на различные мероприятия, не имеющие отношения к их профессиональной деятельности. Например, в результате проведённой мобилизации сотрудников уездных учреждений на продовольственный фронт в 1920 г. в ряде судебных районов не было ни одного заседания суда в течение нескольких месяцев. Исполкомы вопрос об освобождении от мобилизации рассматривали персонально, но, как правило, выносили отрицательные решения. В частности, Псковский уездный исполком отказался вернуть из продовольственного комитета работниц канцелярии 2-го судебного района. Это значительно осложняло работу народного судьи, вынужденного исполнять не только свои непосредственные обязанности, но и заниматься технической работой [7, д. 10, л. 107, 116-117]. Мобилизациям подвергались даже члены губернского Совета народных судей [9, д. 447, л. 64]. Имели место случаи, когда судья в результате ряда перемещений утрачивал профессиональные навыки и даже забывал, где его основное место работы [6, д. 98, л. 208 об.]. Руководство отдела юстиции потребовало в таких условиях от губернского исполкома «вообще освободить работников судов от принудительных мобилизаций» [7, д. 10, л. 114-115].

Несмотря на предпринятые губернским исполкомом в 1920-1922 гг. усилия, соответствующие нормы Положения о судостроении РСФСР 1922 г. [14], ситуация с административным давлением на суды в течение 1923 и 1924 гг. к лучшему не изменилась. Судебное руководство в обращении к губернскому комитету РКП(б) по-прежнему требовало «прекратить частые перебои судебного аппарата, вызываемые смещениями» [4, д. 296, л. 11]. Этот шаг был обусловлен тем обстоятельством, что с 1923 г. губернский комитет РКП(б) приступил к целенаправленному осуществлению контроля над судебными органами. От уездных и волостных комитетов РКП(б) требовалось, часто в директивной форме, «усилить надзор за судьями» [3, д. 149, л. 72]. Подобное положение обусловило реализацию новой экономической политики, которая обострила политические и социальные проблемы Советского государства. Особое внимание начали обращать на партийность судей, что предоставляло как дополнительные возможности по оказанию влияния на них, так и некую гарантию неукоснительного соблюдения ими политики большевиков в области законности [1, д. 293, л. 60]. Островский комитет РКП(б) в январе 1923 г. предложил укрепить личный состав местных судов своими сотрудниками [5, д. 106, л. 1-2]. А в 1924 г. «в целях сохранения классового принципа нарсудов в деревне» в уездах губернии было принято решение о назначении во все участки партийных судей [3, д. 174, л. 49 об.].

29 мая 1923 г. губернский исполком издал инструкцию «О порядке проведения пересмотра личного состава советских учреждений и предприятий и укомплектования их пролетарским элементом» [9, д. 1323, л. 643]. Она отличалась подробно расписанными процессуальными особенностями, способствовавшими преодолению в ходе проверки личного влияния на результат как проверяемого, так и проверяющих. Были созданы многоступенчатый механизм отзыва работника с привлечением партийных и советских контролирующих органов, чёткая процедура обжалования решений. В сентябре 1923 г. уездным исполкомам и комитетам РКП(б) предписали «избегать частых необоснованных отзывов судей» [1, д. 1463, л. 57].

Впрочем, административные органы по-прежнему не выполняли требования ни республиканского законодательства, ни регионального руководства. В отчете губернского суда за 1923 г. назывались следующие способы воздействия уездных властей на местные суды: самовольные отзывы и назначения судей, произвольное сокращение и увеличение числа судей и судебных участков, невыплата заработной платы, непредоставление средств на административно-хозяйственные расходы. Судьи также сообщали в Псков: «Места, руководствуясь методами революционной законности 1917-1919 гг., предъявляют совершенно неосновательные требования о смещении судебных работников только потому, что их действия не соответствуют усвоенной (*местными руководящими работниками – И. Ш.*) точке зрения» [4, д. 296, л. 11; 9, д. 1311, л. 40].

«Неустанная борьба» органов юстиции с «этим злом» была малоэффективна по причине невнятной позиции губернского исполкома. Руководство судебных органов прямо указывало: «Благоприятный исход получится лишь в том случае, если и губисполком произведёт соответствующий нажим на уисполкомы» [9, д. 1311, л. 8]. Здесь показателен доклад за август 1924 г. представителя Ашевского волысполкома Ново-ржевского уезда, напрямую предупреждавшего комитет РКП(б), что в случае отказа со стороны суда

представлять информационные отчёты «будут приняты меры к убеждению» [1, д. 299, л. 43 об.]. В 1923 г. на заседании президиума губернского суда было отмечено: «Суд в Холме в зависимости от местных административных органов» [9, д. 1345, л. 168]. Уполномоченный губернского суда в Новоржеве в 1924 г. сообщил о «в целом недоброжелательном отношении местных организаций» к отдельным работникам юстиции [4, д. 211, л. 142]. В 1925 г. прокуратура губернии выявила случаи «покровительства со стороны отдельных организаций членам ВКП(б), совершающим уголовные преступления, вплоть до вмешательства в компетенцию судебных органов и прокуратуры» [2, д. 423, л. 9].

Не всегда претензии партийных и советских органов были необоснованными. Классовый принцип предполагал избирательное отношение к гражданам, преступившим черту закона. В народные суды губернии постоянно поступали распоряжения с требованием: «Трудящимися дома заключённых не набивать, предоставляя таковые для паразитических элементов: кулаков, нэпманов, воров-рецидивистов» [3, д. 174, л. 217]. В Торопецком уезде среди лиц, привлечённых к суду в 1923 г. по уголовным делам, 90% являлись малообеспеченными. По гражданским делам таковых насчитывалось до 40% [1, д. 293, л. 313]. В течение 1923-1924 гг. в губернскую контрольную комиссию неоднократно поступали сообщения от граждан о том, что в судах «нет защиты трудящимся, там берут взятки». Большинство фактов подтверждалось в ходе проверок. На пленуме комиссии в конце 1924 г. отмечалось: «Дело хорошего “кума” разбирается в первую очередь, а правое дело труженика в насмешку рабоче-крестьянскому суду не месяцами, а годами не разбирается судьями-коммунистами» [2, д. 133, л. 128].

В Псковской губернии в течение 1920-1925 гг. народные суды работали в сложных условиях. Им приходилось преодолевать не только объективные трудности, связанные с установлением большевистской законности, но и налаживать взаимоотношения с уездными и волостными органами партийной и Советской власти. Действия последних являлись следствием неоправданных ожиданий от принимаемых судами решений. Народные суды являлись элементом складывающейся государственной системы, проводили в решениях и приговорах принципы классовой политики. Они не могли, в отличие от работников исполкомов и комитетов РКП(б), воспринимать закон упрощённо и действовать исключительно в соответствии с принципом «революционной совести». По этой причине меры по защите статуса народных судей, и выработанные губернской властью, и представленные нормами Положений о судостроительстве РСФСР от 1920 г. и 1922 г., не могли в полной мере гарантировать их неприкосновенность.

Список литературы

1. Государственный архив новейшей истории Псковской области (ГАНИПО). Ф. 1. Оп. 3.
2. ГАНИПО. Ф. 2. Оп. 1.
3. ГАНИПО. Ф. 9. Оп. 1.
4. ГАНИПО. Ф. 100. Оп. 1.
5. ГАНИПО. Ф. 109. Оп. 1.
6. Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-286. Оп. 1.
7. ГАПО. Ф. Р-515. Оп. 1.
8. ГАПО. Ф. Р-530. Оп. 1.
9. ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1.
10. ГАПО. Ф. Р-608. Оп. 1.
11. ГАПО. Ф. Р-960. Оп. 1.
12. Резолюции III-го Всероссийского съезда деятелей советской юстиции. М.: Московское отделение Военной типографии Всероссийского Главного штаба, 1920. 18 с.
13. Собрание узаконений РСФСР (СУ РСФСР). 1920. № 83. Ст. 407.
14. СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.
15. Шагин И. А. Формирование органов советского суда в Псковской губернии в 1917-1919 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21). Ч. I. С. 224-227.

INTERRELATION BETWEEN PEOPLE'S COURTS AND PUBLIC AUTHORITIES OF PSKOV PROVINCE IN 1920-1925

Ivan Anatol'evich Shagin
Department of Russian History
Pskov State University
ivashagin@yandex.ru

The author considers the features of the interrelation between soviet public authorities and people's courts within Pskov province in 1920-1925, singles out the ways of influence on people's courts decisions and the sentences of people's judges on the part of district and volost executive committees and party organizations; analyzes the circulars developed by the provincial executive committee, and also determines the norms of the Regulations on the Judicial System of the RSFSR of 1920 and 1922 that served to ensure the implementation of the principle of people's judges independence.

Key words and phrases: people's court; people's judge; provincial executive committee; district executive committee; volost executive committee; committees of the Russian Communist Party (of Bolsheviks) / All-Union Communist Party (of Bolsheviks).

УДК 94(470)

Исторические науки и археология

В статье изучены цели и задачи, которые ставило правительство Колчака по отношению к китайской провинции Синьцзян. Проанализированы его мероприятия, направленные на повышение эффективности таможенных органов, осуществлявших взаимодействие с властями провинции в торгово-экономической сфере. Рассмотрен перечень экспортируемых и импортируемых товаров и приведена общая сумма товарооборота в ценностном отношении.

Ключевые слова и фразы: Колчак; Синьцзян; торговля; таможенная служба; номенклатура товаров.

Тамара Алексеевна Шеметова, к.и.н., доцент

Кафедра всеобщей истории

Алтайская государственная педагогическая академия

tamara.shemetova@mail.ru

**ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ОМСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
АДМИРАЛА КОЛЧАКА С КИТАЙСКОЙ ПРОВИНЦИЕЙ СИНЬЦЗЯН В 1918-1919 ГГ. ©**

История белых армий адмирала А. В. Колчака относится к числу приоритетных тем в современной историографии гражданской войны в Сибири. Однако многие вопросы данной темы еще не получили должного освещения в научной литературе. К их числу относится вопрос торговых отношений китайской провинции Синьцзян и Российского правительства адмирала Колчака, который до настоящего времени остается за рамками интересов ученых. Некоторые примеры сотрудничества в области экономики в контексте взаимоотношений российской дипломатической миссии в Синьцзяне с белым движением приведены в статье В. А. Бармина [1, с. 243-255]. После февральских и октябрьских событий 1917 года в России торговля с синьцзянской провинцией не прерывалась. Контрреволюционные правительства Сибири, а затем и Российское правительство адмирала Колчака делали все возможное, чтобы торговые связи получили дальнейшее развитие.

Царская Россия и китайская провинция Синьцзян имели тесные торгово-экономические связи, нарушенные после октябрьских событий 1917 года. Советские власти после победы октябрьской революции намеревались возобновить утраченные взаимоотношения, частично добившись успехов в этом направлении. Намечившиеся позитивные сдвиги в торговых отношениях с Синьцзяном были скорректированы начавшейся гражданской войной в России. В период 1918-1919 гг. Синьцзян имел торговые и отчасти экономические отношения не только с советами, но и контрреволюционными правительствами Сибири, а затем и правительством Колчака. Конечной целью политики колчаковского правительства было приобретение в лице провинции Синьцзян союзника в борьбе против советской власти в российском Туркестане. При таких условиях, как видно из доклада секретаря консульства в Кульдже А. П. Воробчука, «Илийский округ может стать хорошим исходным пунктом для операций наших отрядов (*т.е. белогвардейских – Т. Ш.*) против большевиков Семиреченской области и для удара в тыл их фронта», а также «богатой базой для снабжения нашей Семиреченской армии хлебом, мануфактурой, зимней одеждой, обувью, скотом, лошадьми и пр.» [4, д. 456, л. 34].

Кроме того, правительство адмирала Колчака надеялось использовать накопленное во время революции и гражданской войны в Синьцзяне сырье для российской фабрично-заводской промышленности «...после освобождения от большевиков фабрично-заводского перерабатывающего района» [Там же], а нереализованный скот и хлеб – для обеспечения продовольствием не только армии, но и населения Семиречья. Действительно, в Урумчи и Турфане скопились десятки тысяч пудов хлопка. В Урумчи, Кульдже и их окрестностях в течение уже трех лет паслись многие сотни тысяч баранов, до 20 тысяч крупного рогатого скота и около 10 тысяч лошадей, предназначенных для продажи [Там же, д. 459, л. 84]. В указанных выше пунктах сосредоточились сотни тысяч штук разных кож (овчин, козых и кож другого рогатого скота) и десятки тысяч пудов овечьей шерсти, козьего пуха, конского волоса и верблюжьей шерсти. Отличный урожай в Илийском округе в 1918 году давал возможность правительству А. В. Колчака получить необходимое количество хлеба не только для обеспечения продовольствием многотысячной армии, но и населения Семиреченской области, где, по сведениям белогвардейских и большевистских средств массовой информации, наблюдался громадный недосев.

Проявленная заинтересованность омского правительства в сырье и продуктах вызвала в провинции оживление в торговых кругах. Поэтому, по мнению секретаря посольства Воробчука, все эти товары следовало бы закупить в достаточном количестве за счет казны, пока еще в округе спекулянты не взвинтили цены [Там же, д. 456, л. 34].

Однако выявленные в архивах документы свидетельствуют, что во взаимоотношениях белогвардейского правительства с китайской провинцией Синьцзян существовали и иные цели и задачи. Во-первых, доказать китайцам, что Россия (пока имелось в виду правительство в лице адмирала Колчака) имеет не только рубли для торговли с провинцией, но и товары для обмена, что в целом должно было укрепить мнение о России как экономически дееспособном государстве. Для этого белогвардейцы старались найти товары, которые имели